

К ВОПРОСУ О СТЕРЕОТИПАХ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ*

Статья посвящена смежным вопросам: стереотипам в языке, в мышлении и во фразеологии. Стереотипизация происходит из шаблонного мышления, возникающего из регулярной связи между потребностью этноса в означивании какого-либо понятия и сложной (многолексемной) формой его выражения. Стереотипные обороты рассматриваются как устойчивые культурно-языковые штампы. Механизм их формирования лежит в той области семиотической связи между планом выражения и планом содержания фразеологической единицы (ФЕ), в которой определенная семема тяготеет к атомарным словосочетаниям определенных тематических полей. И поэтому в этом притяжении усматривается конвенциональный характер. ФЕ не существует вне программы ее интерпретации этносом, в сознании которого выработались определенные штампы интерпретаций, которые мы наблюдаем в лингвopsихологическом явлении, называемом «ложными друзьями переводчика». В статье различается двойное функционирование ФЕ в речи: как элементов лингвокреативной техники говорящего (выполняющей роль его характеристики) и, наоборот, как «чужих слов», не принадлежащих к речи данного лица. В последнем случае ФЕ выступают как безусловные стереотипы.

Заголовок данной статьи напоминает известное суждение о «масле масляном», так как неспециалистом фразеология воспринимается именно как стереотипное образование. Такому пониманию способствуют основные свойства фразеологической единицы, действительно сближающие стереотипные выражения с фразеологизмом: устойчивая раздельно-оформленность и воспроизводимость. Стереотипным может быть сочетание слов, которое воспроизводится «блоком», и по этой причине стереотипные образования, противопоставляясь творческому, «самоорганизующимся» в речи, входят в состав фразеологии. Специалисты же по

фразеологии далеки от того, чтобы отождествлять эти два термина. Именно поэтому можно говорить о стереотипах во фразеологии. К тому же, если в соответствии с духом времени переставить акцент с сугубо лингвистического плана в план ментальный, то перед нами встанет вопрос: что же во фразеологии способствует образованию стереотипных оборотов как результату шаблонного мышления?¹

К стереотипным выражениям принято относить сочетания, в которых «нормативный аспект выбора преобладает над семантическим» и в основе которых лежат устойчивые отношения между предметами внеязыковой действительности:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01-04-00121а.

например, *стакан воды*, но не *чашка воды*². Отличает их от фразеологических оборотов отсутствие тропеической семантики, которая не востребована в данном случае, потому что в них заложены наиболее значимые фрагменты реального опыта этноса. Это целенаправленное «выкраивание» части из целого, как пишет Ю. В. Мониц, не состоялось бы, не имей эта часть определенной жизненной значимости, которая и создает потребность в обозначении³, то есть в стереотипизации. Обратный ход — от изучения стереотипов к постижению этой значимости — используется как метод этнологии народов⁴.

В практике семантических исследований известен метод стереотипного анализа, который позволяет разграничить в языковом знаке компоненты, обусловленные социализацией данного знака. Под стереотипом автор данного метода⁵ понимает совокупность свойств и характеристик, приписываемых объекту в силу влияния культурного фактора. Анализируя семный состав лексемы *вода*, Фрадэн сему *жидкая* называет семантическим маркером, а другую сему *утоляющая жажду* — стереотипом, так как она присутствует в данном слове только благодаря устоявшемуся представлению человека об этом свойстве воды. В силу вышесказанного стереотипные обороты рассматриваются как устойчивые культурно-языковые штампы и с развитием культурологического аспекта фразеологии, чем сейчас наполнены актуальные исследования, термин *стереотип* встал в один ряд с другими знаками культуры: *ритуал, эталон, символ, мифологема* и т. п.⁶.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо рассмотреть фразеологический знак с семиотической и когнитивной точек зрения.

Конец второго тысячелетия был отмечен поворотом внимания лингвистов к соединению теории познания и языкознания, следствием чего явилось зарождение когнитивной лингвистики. В связи с этим

лингвистов стали больше занимать вопросы не столько функционирования языковых единиц, сколько их зарождение⁷, а это значит, что лингвисты интересуются не только сферой языка, но и областью сознания, деля, таким образом, данный объект изучения с психологами. «Традиционные» лингвистические термины стали функционировать с приставкой *пре-*: *предзнак, предсемантический характер знака, предпропозициональная природа знака*, и др.⁸ или *до-*: *довербальный знак*⁹.

Концепция фразеологического знака, через призму которого мы попытаемся подойти к поставленному вопросу, также включает термин-понятие с префиксом *пре-*. Это *префразеологический аспект* первичного десигната ФЕ, с чем и связана когнитивная часть теории идиоэтнической фразеологии. В рамках данной теории концепция фразеологического знака разработана на основе культурно-исторической концепции знака Л. С. Выготского и лингвистической концепции знака Ч. Морриса¹⁰.

Согласно Моррису, в лексическом семиозисе участвуют пять факторов: 1) то, что выступает как знак (материальная форма знака); 2) то, на что указывает знак, то есть десигнат (область объективного мира); 3) воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком, то есть интерпретанта; 4) сам интерпретатор и 5) контекст, в котором встречается знак. Механизм семиозиса следующий: знак вызывает в интерпретаторе предрасположенность к определенной реакции на определенный вид объекта при определенных условиях¹¹.

В отличие от лексического фразеологический семиозис характеризуется следующими особенностями. В нем участвуют два десигната: десигнат-1, первичный, и десигнат-2, вторичный, находящиеся в отношении как субстрат к суперстрату посредством механизма переосмысления, а также два типа контекста — этимологический, то есть условия воз-

никновения ФЕ, и актуальный, условия функционирования ФЕ в речи (употребление фразеологизмов пользователями языка) и, конечно, коннотат, сосредоточие прагматических функций.

Итак, фразеологический знак (имеем в виду идиому), например, «выносить сор из избы» можно описать следующим образом. Имя (звуковой или графический фрагмент синтагматической оси «вы-носить-со-ры-зыз-бы», обозначающий атомарный факт, по Витгенштейну, то есть предметы в их взаимосвязи «выносить-сор-из-избы»), соотносящееся с первичным десигнатом (из области предметного мира: изба, в ней сор, необходимость его выносить /или удалять другим способом/), обозначает вторичный десигнат (из области чаще антропологической: «коллектив людей и дразги между ними», реже космологической), в лоне которого формируется новое значение (сигнификат ФЕ: *разглашать дразги внутри коллектива/семьи*) с целью выражения возникшей потребности этноса. Новый сигнификат образуется вследствие определенной интерпретации (аспекта видения) первичного десигната интерпретатором. В роли последнего выступает этнос. «Аспект видения» получил в идиоэтнической теории название «префразеологический аспект» атомарного словосочетания.

Атомарное словосочетание есть имя первичного десигната (ситуации). Наполняясь новым содержанием (фразеосемей), оно становится фразеологической единицей. Присутствие интерпретатора наделяет фразеологический знак модальностью (прагматичностью), которая оформляется в коннотат ФЕ — передача оценки, отношения или суждения. В данном фразеологизме это аксиологическая сема «выносить сор из избы — плохо». Отрицательная прескрипция «не выносить» имплицитно не сему «оставлять в избе, накапливать», а сему «сжигать». Чем вызвана данная сема? Ответ находится в этимологии рассматриваемой фразеологической единицы, которая отражает

менталитет древних славянских народов «"выносить сор — плохо, так как его могут развеять злые духи и навлечь беду на дом того, кто это делает"». (Позитивная экологическая идея!)

Таким образом, все компоненты фразеологического знака распределяются между тремя блоками: 1) звуковая цепочка (фонетический аспект), атомарное словосочетание (лексико-грамматический аспект) и сама фразеологическая единица относятся к сфере языка; 2) первичный и вторичный десигнаты имеют «выход» в объективную действительность, в два типа контекста: первый — этимологический, второй — актуальный; 3) с психической сферой связаны: а) интерпретатор, б) интерпретанта, в) потребность этноса выразить в языковой форме новое понятие, г) установки, на которые интерпретатор ориентируется для выражения своей семантической интенции, и д) префразеологический аспект первичного десигната как результат синтеза предшествующих компонентов. Последний блок (то есть третий) и составляет когнитивную сферу фразеологического знака. При этом важно помнить, что основную ее часть составляет объективный мир, данный нам в ощущениях, точнее, его вычленимые по причине их значимости фрагменты (см. выше). А фрагменты объективного мира Л. Витгенштейн называл атомарным фактом, под которым он понимал «предметы объективного мира в их взаимосвязи»¹².

Словосочетание, выполняющее роль имени атомарного факта, лексемная структура которого предопределена сформировавшимися в сознании народа установками, мы и называем атомарным и отказываемся от распространенных терминов «переменное словосочетание», «свободное словосочетание», ибо еще на префразеологической ступени, то есть до переосмысления словосочетания, закладываются первые признаки семантической цельности фразеологизма.

Разделяя мнение Ч. Морриса о том, что определенные отношения, которые чело-

век устанавливает между предметами объективного мира, обретают статус знака¹³, мы отдаем приоритет не столько названиям предметов, сколько их взаимосвязям.

Во фразеологии атомарное словосочетание из номинативного акта ситуации переходит в сферу коммуникативных межличностных отношений, в которой происходит смена функций. Если, как пишет Н. Д. Арутюнова, «синтаксис коммуникации строится по модели «передать знак — принять и понять его», то «синтаксис межличностных отношений строится по модели «произвести действие — интерпретировать и оценить его»¹⁴. Интерпретация и есть функция того, что во фразеологическом знаке называется префразеологическим аспектом. Остановимся на нем подробнее.

Под префразеологическим аспектом понимается один из логико-семантических аспектов осмысления данной предметной ситуации, ее потенциальный смысл, который формируется путем фразеологизации атомарного словосочетания и существует во фразеологизме как элемент внутренней формы¹⁵.

В основе понятия «префразеологический аспект» лежит тезис, развиваемый психологами, изучающими предметно-практическую деятельность субъекта, о том, что в образе отражаются не все стороны объекта, а лишь те, которые необходимы для деятельности субъекта¹⁶. Исходя из этого различаются объект и предмет отражения¹⁷: один и тот же объект, отражаясь в образе, может иметь различную интерпретацию или, иначе говоря, различные логико-семантические аспекты. В концепции фразеологического знака первичный десигнат и его префразеологический аспект соотносятся как объект и предмет восприятия. Именно их различие, а не сведение к одному понятию «смысл», позволяет объяснить существование межъязыковой фразеологической омонимии. Ср. следующие ФЕ: fr. *tirer le diable par la queue*, it. *tirare la coda al*

diavolo имеют один и тот же первичный десигнат «некто тянет дьявола за хвост» (правда, в итальянском атомарное словосочетание несколько иное: «некто тянет хвост дьяволу», что не отражается на смене десигната), но их интерпретация в названных языках различна. Во французском фразеологизме префразеологический аспект первичного десигната следующий: в состоянии крайней нужды тянуть дьявола за хвост, чтобы выпросить у него денег (человек, оставшийся без средств к существованию, обращается к дьяволу. Но тот отказывает, поворачиваясь к нему спиной, тогда человек дергает его за хвост, умоляя о помощи¹⁸. Поэтому фразеологическое значение этого словосочетания «бедствовать, едва сводить концы с концами» (ее семантическим аналогом в итальянском языке является ФЕ *sbarcare il lunario* = *joindre les deux bouts*)¹⁹. Префразеологический аспект итальянской ФЕ *tirare la coda al diavolo* — другой: «заигрывать с чертом, вызывать опасность на себя», что приводит к иному фразеологическому значению «лезть на рожон, играть с огнем»²⁰.

Ср. другую пару межъязыковых фразеологических омонимов: fr. *Faire bouillir la marmite*, it. *Fare bollire la pentola*. Обе ФЕ имеют первичный десигнат «некто заставляет кипеть котелок», но с разной интерпретацией. Во французской ФЕ логический акцент связан с *marmite*, что делает его смысловым центром фразеологизма и приводит к сигнификату «кормить семью, зарабатывать на жизнь», а в итальянской ФЕ смысловым центром оказался глагол *bollire*, чем и вызвано другое значение: «разжигать страсти, заваривать кашу». Все случаи МФО подтверждают тезис Ч. Морриса о том, что знаки, указывающие на один и тот же объект, могут иметь разные сигнификаты, поскольку то, что учитывается в объекте, у разных интерпретаторов может быть различным²¹.

Ч. Моррис в своей семиологической теории уделяет большое внимание интер-

претанте. Он определяет ее как «воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком»²², как «навык, в силу которого можно сказать, что то или иное знаковое средство означает некоторые виды объектов или ситуаций»²³, как часть поведения индивида²⁴, как «реакция на определенный вид объекта при определенных условиях»²⁵.

Во фразеологическом знаке интерпретанта участвует в формировании префразеологического аспекта ФЕ, следовательно, значения всего фразеологизма. Благодаря своеобразию интерпретанты довольно редко встречаются случаи, когда одинаковые первичные десигнаты разных языков имеют один и тот же префразеологический аспект [случаи межъязыковых фразеологических эквивалентов (МФЭ)]. Поэтому можно сказать, что префразеологический аспект представляет собой производное двух составляющих: первичный десигнат, помноженный на интерпретанту. Его роль подобна роли предиката в предложении: мы правильно воспринимаем то предложение, в котором известен предикат, и не понимаем то, в котором предикат еще не определен. Как писал Н. И. Жинкин, в отдельном предложении нет предиката, так как неизвестно, на каком именно слове надо ставить ударение²⁶. Фразеологическая единица как двусторонний знак не существует вне программы ее интерпретации интерпретатором, то есть этносом, в сознании которого выработались определенные штампы интерпретаций, то есть стереотипы. Этническую маркированность своеобразия этих штампов мы имеем возможность наблюдать в феномене, называемом «ложные друзья переводчика». Авторы «Испанско-русского фразеологического словаря» в предисловии к нему показали на примере ФЕ *por la boca muere el pez* (букв. со рта умирает рыба), насколько неожиданным для русскоязычного читателя может быть значение ФЕ «язык мой — враг мой», потому что фразеобразова-

тельная модель данной ФЕ вызывает в сознании русского человека штампы интерпретаций в виде «рыба тухнет с головы» либо «рот /жадность/ губит рыбу»²⁷.

В принципе большинство первичных десигнатов, если не все, допускают множественность интерпретаций, которые реализуются либо в виде параллельной полисемии ФЕ, либо в виде межъязыковой фразеологической омонимии. Пример параллельной полисемии: ФЕ fr. *monter sur ses grands chevaux* (букв. сесть на своих больших (боевых) коней) содержит в себе два префразеологических аспекта: 1) поза всадника, что обусловило значение «важничать, говорить свысока» и 2) готовность к сражению, на основе чего сформировалось значение «в гневе наброситься на кого-либо».

Следует отметить, что насколько редким считается явление фразеологической омонимии внутри одного языка, настолько оно частотно на межъязыковом уровне. Примеры МФО многочисленны. Например, во фразеотематическом поле «Растительный мир» четырех романских языков (французского, испанского, итальянского и румынского) число тождественных атомарных словосочетаний равно приблизительно 160 (эквиваленты и омонимы), из них 33 МФО. Таким образом, МФО составляют почти 20% от всех изосочетаний, то есть пятая доля одинаковых первичных десигнатов интерпретируется в каждом языке по-своему. Этому заключению необходимо придать большое значение. Оно подтверждает идиоэтнический характер интерпретации фрагментов экстралингвистического мира. Этот вывод действителен и для стереотипных оборотов.

Смена префразеологических аспектов имеет место не только в синхронии (при параллельной полисемии), но и в диахронии. Так, например, во французском языке адъективный фразеологизм *de beurre* (букв. масляный, или из масла) имел значение *sans valeur* «низкопробный, ничего не значащий», которое сохраняется в со-

временном выражении *compter pour du beurre* «не считаться с кем-либо». С XVII века возникают ФЕ, в которых *de beurre* получает коннотации богатства, выгоды: *faire du beurre net* (XVII в.), *faire son beurre* (XIX в.) «наживаться», *faire son beurre de qch* «извлекать выгоду из чего-л.», *assiette au beurre* «источник доходов, чаще всего сомнительных»²⁸. Изменение префразеологических аспектов и, следовательно, значений, связано с тем, что первоначально в первых ФЕ актуализировалась сема «мягкость, способность расплавляться», а в последних — другая сема «важный продукт, продукт, свидетельствующий о достатке». Именно неединственность префразеологических аспектов делает ФЕ немотивированными.

В процессе знакообразования понятие опережает появление знака, ибо понятие первично, а знак вторичен. То же самое происходит в фразеологическом семиозисе: сначала понятие, затем фразеологический знак. Атомарные словосочетания считаются фразеологическими средствами выражения и рассматриваются как *материальное оформление установок*, которые формируются в среде этноса, впитывая все то, что свойственно данному этносу как активному субъекту познания. Их формирование происходит в соответствии с теми сигналами, которые поступают в мозг от объективной действительности, и с тем кодом, который выработан в языковом мышлении народа. Материальное эксплицирование этих установок осуществляет их перевод с одного уровня (бессознательного) на другой (сознательный). Установка, не будучи наглядно-чувственной по содержанию, «ищет» наглядно-чувственную форму и находит ее в самых экономных формах (известный принцип экономии в языке здесь тоже действует), а именно — в виде устойчивых образных оборотов, которые функционируют как стереотипы. Например, установка «без труда получить все готовенькое + осуждение» воплощается в следующих образах: fr. *les alouettes toutes*

rôties (образ уже поджаренных жаворонков), roum. *mură-n-gură* (положенная в рот ежевика), it. *la pappa fatta* (уже приготовленная каша), русск. *блюдечко с голубой каемочкой*.

Другой пример: необходимость означать понятие «момент, еще не назревший для успешного действия». Испанец использует для этого пропозицию «печь — булочка» (*horno-bollo*), потому что причинно-следственная связь между названными предметами (для хорошей булочки нужна хорошо растопленная печь) уже установилась в подсознании коллективного мышления испанского народа. Причем установка ориентирует на предупреждение преждевременного действия, поэтому она материализуется в отрицательном атомарном словосочетании.

Префразеологическим аспектом данной ситуации является следующая интерпретация: неблагоприятным моментом для выпечки булок является время, когда печь еще не разогрета: *no esta el horno para bollos* «сейчас не время, неблагоприятный момент». Фразеологическое значение, таким образом, выступает как потребность этноса, то есть «объективная нужда, отраженная в его психике»²⁹. Эта потребность ищет форму для своей материализации и ее находит в конкретном образе, который существовал на бессознательном уровне мыслительной деятельности этноса. Так, в романских языках, как и во многих других, связь, которую можно назвать стереотипной межъязыковой, находится между фразеотематическим рядом «жесты» и фразеосемантическим рядом «психическое состояние человека». Дескрипция жестов элементарна, поскольку она является остатком прежней, начальной, системы коммуникации, в процессе глоттогенеза, это номинация довербального знака³⁰.

Обращает на себя внимание изолексемный характер номинации в романских языках, которая включает глагол «кусать, есть», и ограниченный набор существительных: «кисти рук, кулаки, большие

пальцы (рук), пальцы, ногти», из названий внутренних органов — только название печени. Сюда же следует отнести и эквивалентность русской ФЕ *локти <себе> кусать* «сожалеть о содеянном» и французской *s'en mordre les doigts/les pouces* «раскаиваться в чем-л.», а также ее омонимичность с итальянской: *it. mangiare i gomiti* «кусать локти, досадовать, огорчаться».

Фразеосемантический ряд «психическое состояние человека» состоит из следующих сем: сожалеть, раскаиваться, томиться нетерпением, страстно желать что-л., задыхаться от злобы, терзаться, изводиться. Однако, несмотря на общность плана выражения — соматическое пространство, их прототипическая модель несет на себе печать «легкой» идиоэтничности³¹, которая оформляется в следующие виды межъязыковых корреляций: варианты (МФВ), омонимы (МФО), синонимы (МФС). Так, МФВ характеризуются синекдохичностью: *fr. Se manger les pouces*, *esp. Comerse las manos* «томиться нетерпением»; *fr. Se manger les poings*, *it. mangiarsi mani* «раскаиваться, сожалеть». МФО заключают в себе гетерогенную семантику, принадлежащую разным тематическим группам: «душевное состояние» и «физиологическое состояние» в первой группе омонимов: 1) *fr. se manger les poings* «раскаиваться», *esp. comerse los picos* «голодать, щелкать зубами»; разные эмоции во второй и третьей группах МФО: 2) *it. mangiarsi mani* «сожалеть, раскаиваться», *esp. comerse las manos* «страстно желать что-л.»; 3) *it. Mangiarsi il fegato* (букв. кусать себе печень) «задыхаться от злобы», *roum. A-și mânca ficății* (букв. кусать себе печень) «терзаться, изводиться»; *русс. локти <себе> кусать* «сожалеть о содеянном»; *it. Mangiare i gomiti* (букв. кусать локти) «досадовать, огорчаться». Отношениями межъязыковой синонимии (МФС) объединены следующие ФЕ: *esp. comerse las uñas* (букв. кусать себе ногти), *it. mangiarsi il fegato* «задыхаться от злобы». Межъязыковыми

аналогами, исключаящими идиоэтничность, являются лишь эквиваленты (МФЭ), которые немногочисленны. В рассматриваемой группе таковыми являются только ФЕ со значением «сожалеть, раскаиваться», которые встречаются в трех языках: *esp. morderse las manos*, *it. Mordersi le mani*, *roum. A-și mușca mînila* (букв. кусать себе руки) и отсутствуют во французском и русском.

Теперь проследим путь «вхождения» фразеологической единицы в систему языка. Этот путь лежит между двумя веками: от оборота, взятого в кавычки, до стереотипизированного выражения. Кавычки указывают на индивидуальный, речевой, еще не обладающий системностью характер данной лексико-синтаксической конструкции, но уже поставленной в условия тропического употребления. Поэтому она сопровождается вводным оборотом «так сказать»: поговорим, *так сказать, в присутствии Пушкина* (во время церемонии на одном из вечеров). Когда же новая интерпретация становится содержанием данного знака, тогда этот знак входит во фразеологическую систему языка и кавычки утрачивают свою необходимость. Фразеологизм обретает стереотипность, на которую указывает другое клише «как говорится»: *Вы ушли, как говорится, в мир иной*³².

План выражения и план содержания фразеологизма как отдельной фразеологической единицы коррелирует с атомарным сочетанием и фразеосемемой соответственно. Если между атомарным словосочетанием и самим фразеологизмом устанавливаются ассоциативные связи, несмотря на противоречия между наглядно-чувственной формой первого и абстрактным характером второго, то эти связи, приобретая устойчивость, могут стать стереотипными при условии, если семиотические отношения между означающим ФЕ и ее означаемым как знака будут иметь конвенциональный характер³³. Конвенциональность подтверждается от-

сутствием одно-однозначного соответствия между планом выражения и планом содержания ФЕ в языках разных типов. Эта немотивированность возникает по причине множественности префразеологических аспектов, то есть интерпретаций, о чем было сказано выше. На уровне же всей фразеологической системы план выражения мы называем субстратом, а план содержания — суперстратом. (Существует и понятие адстрата во фразеологической системе, но раскрытие этого понятия не входит в задачу данной статьи, отсылаем к работе Н. Н. Кирилловой³⁴).

* * *

Стереотипным является все то, что характеризуется устойчивостью, регулярностью, повторяемостью и, особенно, предсказуемостью, создаваемой регулярной связью между потребностью данного этноса и формой ее выражения. Механизм формирования стереотипов лежит в той области семиотической связи между планом выражения и планом содержания, в которой определенная семема тяготеет к атомарным словосочетаниям определенных тематических полей. При анализе группы фразеологизмов во французском языке, выражающих понятие «положительной оценки, похвалы, одобрения» обнаруживается predisposizione к определенной тематической группе. Так, во французском языке подавляющее большинство ФЕ данной семантической группы связано с «животным миром»: fr. *c'est chouette! A la chouette!* (chouette — сова), *aux oiseaux!* (oiseau — птица), *la plume de l'oiseau* (букв. перо птицы), *au poil!* (poil — шерсть/животного/), *petit chien, belle queue* (букв. собачка-красивый хвост), *cela ne se trouve pas dans le pas d'un cheval /d'un âne, d'une mule/* (букв. это не валяется в следах от лошади /осла, мулицы/). Ассоциативные связи фразео-семемы «низкопробности, никчемности» в итальянском языке, наоборот, лежат в области ФТП «Растительный мир», от-части в

«одежда» it. *Fico secco* (букв. сухая фи́га), *buccia di fico* (букв. корка фи́ги), *non valere una buccia di porro (una scorza, un nocciolo, una mora, un fico, un cavolo, due ficchi, una fronda di cavolo, una rapa, una fava, pistacchio, tre ghiande, un finocchio, un lupino, tre ceci)* (букв. соот-ветственно, не стоить скорлупы порея, кожуры, ядра, ежевики, фи́ги, капусты, капустного листа, боба, фисташки, трех желудей, укропа, люпина, трех зерен) *non stimare un cesto di lattuga* (букв. не стоить кочерыжки салата).

Фразообразовательные модели обнаруживают избирательность по связи с определенными фразеосемемами. Так, значение «быть кстати», реализуется в нескольких фразообразовательных моделях с различными ФТП, разная степень регулярности которых свидетельствует о разных стереотипах в романских языках. Так, модель «что-то к чему-то подходит» на основе фразеотематической группы «Пища» преобладает в испанском: *miel sobre hojuelas* (букв. мед на оладьи), *venir al olor* (букв. упасть на масло), *venir como el aceite a las espinaca* (букв. подойти как уксус к шпинату), (при одной французской ФЕ *venir comme lard aux pois* (букв. подходить как сало к гороху), одной итальянской ФЕ *come il caccio sui maccheroni* (букв. как сыр на макароны), а модель «что-то метко попадает во что-то» со значением «точно согласуется» на лексическом материале артефактов (поле «Человек в труде») больше встречается в итальянском: *cascare come l'olive nel paniere* (букв. падать как оливки в корзину), *capitare a bottega* (букв. попадать в магазин), *cuadrare a capello* (букв. подходить (с точностью) до волоска), так же как и другая модель «что-то произошло к нужному моменту»: *acqua a momenti* (букв. вода в нужный момент), *venire al caso* (букв. прийти(сь) к случаю). (Ср. единичные ФЕ fr. *venir comme mars en carême* (букв. прийти словно март во время поста), esp. *Agua al sediento/a la sopa* (букв. (словно) вода жаждущему/на хлеб),

goum. *A pica la țanc* «попасть в точку», где țanc уже не имеет референтности).

Антонимичная фразеосемема «делать что-л. некстати» имеет в испанском языке ассоциативные связи с «Животным миром»: *entre gallos e medianoche* (букв. между петухами и полночью), *hacer uno el ganso* (букв. делать (из себя) гусака), *aparearse por la cola* (букв. слезать с коня по хвосту), *aparearse por las orejas* (букв. слезать с коня по ушам), *como el azafrón a los loros* (букв. словно шафран попугаям), *como el perejil a los canarios* (букв. как петрушка канарейкам). Из других идеографических областей стоит упомянуть тематический ряд «Религия» — только в испанском, — который служит субстратным материалом для указанной семемы: *esp. Como el agua por San Juan* (букв. вода для (в праздник) святого Иоанна), *ser como la campana de la Inquisición* (букв. быть как колокол инквизиции), *venir com Magnificat a maitines* (букв. что-то случается как величальное пение в заутреню), *no estar la Magdalena para tafetanes* (букв. не быть Магдаленой, чтобы надеть праздничную одежду).

Становление идиоэтнической фразеологии связано с выходом за пределы «внутренней» лингвистики в лингвистику «внешнюю». А внешняя лингвистика включает в себя все факторы, в той или иной степени связанные с материальной и духовной культурой народа и шире — с мировой культурой. Именно этот последний этап и есть то фразеологическое пространство, которое составляет содержание идиоэтнической фразеологии. Идиоэтническая фразеология, имея своим предметом национально-специфические черты устойчивых оборотов, включается в антропологическую парадигму, поскольку в центре внимания находится человеческий фактор — его культурно-национальная компетенция. Язык культурных концептов, которыми пронизана фразеология, позволяет реконструировать представления обыденного сознания на-

рода, изучать различные средства лингвокреативной техники.

Лингвокультурологический подход позволяет вскрыть влияние культурных стереотипов и установок на язык. Рассмотрим это на примере фразеологизмом *tomber en quenouilles* (букв. впасть в веретено), первоначальное идиоматическое значение которого «продолжать женскую линию» связано было исключительно с генеалогией и восходило к юридическим законам салийских франков во времена правления Хлодвига (IV–V века н. э.) и поддержанным Карлом Великим (IX век), согласно которому женщины лишались права наследования земли и недвижимости, а также правления государством. Если в королевствах Испании или Англии женщина может быть правящей королевой, то к этим королевствам применимо выражение: *Les royaumes d'Espagne et d'Angleterre tombent en quenouille*. Позже данный оборот настолько расширил свою дистрибуцию, что стал полисемичным. Французско-русский словарь под ред. Я. И. Рецкера выделяет в нем четыре значения: 1) перейти по наследству в женские руки (за неимением наследников мужского пола): *Le Royaume de France ne pouvait tomber en quenouille* (Michelet); 2) угаснуть за неимением потомков мужского пола (о роде, семье, имени): *Rien qu'à la voir une seconde, on pouvait comprendre a quel point l'expression «tomber en quenouille» était valable pour cette maison* (H. Bazin) — (стоит только на нее посмотреть, чтобы понять, насколько выражение *впасть в веретено/угасать* подходит к этому дому). Данная фраза из романа Базена «Змея в кулаке» сказана о дочери дряхлеющего графа де Поли; 3) попасть жене под башмак; 4) выродиться, угаснуть: *La critique d'art tombe en quenouille* «Искусствоведение вырождается» (Parmelin). *...s'engageait une conversation du style «alors ça va et toi» qui tombait en quenouille, au mieux sur un rendez-vous* (C. Rochfort) (...начинался разговор в стиле «ничего, а как ты», кото-

рый вскоре угасал или в лучшем случае кончался обещанием встретиться)³⁵. К этому следует добавить, что третье значение ныне используется расширительно, когда говорят о всякой женщине, которая властвует не только в семье, но и в профессиональной среде. Клод Дюнтон так иллюстрирует современное понимание данного выражения: Dans une de ses «Apostrophes» télévisées, Bernard Pivot, interviewant une femme P.-D. G., la félicitait d'avoir brillamment remonté une affaire importante qui, aux mains des hommes qui la dirigeaient avant elle, «était un peu ... [il hésitait] ... *tombée en quenouille*» (В одной из телепередач «Апостроф» ее ведущий Бернар Пиво во время интервью с женщиной — генеральным директором компании, поздравлял ее с тем, что она наладила важное дело, которое в руках мужчин, ее предшественников — он колебался — «уга-сало»)³⁶. Талантливый ведущий колебался перед выбором фразеологизма, подходящего наилучшим образом к данной ситуации благодаря своей широкой палитре коннотаций, истекающих из коллизии этимологического актуального контекстов и предметной ситуации, в которой одним из актантов была женщина.

Tomber de lance en quenouille «перейти по наследству к женщине» (о престоле): Si le trône, comme le disaient nos ancêtres, ne pouvait *tomber de lance en quenouille*, cela n'empêchait point que le gouvernement ne fût laissé aux mains jusqu'à ce que la lance fût mise dans les mains de celui qui était déjà roi (если трон, как говорили наши предки, не мог перейти от копья к веретено, то это вовсе не мешало передаче правления в руки матери до тех пор, пока ее сын — фактический король — не будет в состоянии держать копье). *En quenouille* «в женских руках, по женской линии». *Avoir des étoupes dans sa quenouille* (букв. иметь паклю на своем веретене) «встретить затруднения, оказаться в затруднении». *Allez filer votre quenouille* (букв. идите прясть ваше веретено) «бабе

дорога от печи до порога». Фразеологическая парадигма французской фразеолексы *quenouille* включает шесть ФЕ и девять фразеосемем с учетом полисемии. Семиологическая значимость данной ФЛ в девять раз выше русской изолексы, в которой веретено, как и во французских ФЕ, символизирует женское занятие (рукоделие). В русской фразеологии лексема *веретено* имеет низкую фразеобразовательную активность. В Фразеологическом словаре русского языка³⁷ не зарегистрировано ни одной ФЕ. Лишь в Историко-этимологическом справочнике³⁸ отмечен один фразеологизм с фразеолексой *веретено*. Его иллокутивная семантика идентична французской ФЕ *allez filer votre quenouille* — *знай свое кривое веретено* — совет не вмешиваться в чужие дела, заниматься своим делом.

Каждая фразеологическая единица есть вторичный семиотический знак, сложенный из первичных семиотических знаков, элементов архаичной модели мира. Фразеобразовательная активность фразеолексы *quenouille* указывает на значимость данного элемента для языкового сознания французов. Для всех стран той эпохи, когда велось натуральное хозяйство, элементарный инструмент прядения был одинаково важен, однако в разных языках число образных выражений различается существенно.

И последнее, в чем прослеживается стереотипизация фразеологизмов, — это способ их использования в речевой ситуации. Если говорящий намеренно их употребляет как «чужие слова», как, например, в нижеприведенных контекстах Пруста и Жиано, то эти фразеологизмы **функционируют как стереотипы**.

Pour les locutions, il (le docteur Cottard — H. K.) était insatiable de renseignements, car, leur supposant parfois un sens plus précis qu'elles n'ont, il eût désiré savoir ce qu'on voulait dire exactement par celles qu'il entendait le plus souvent employer: *la beauté du diable, du sang bleu, une vie de batons de chaise, le quart d'heure de Rabelais, être*

le prince des élégances, donner carte blanche, être réduit à quia, etc, et dans quels cas déterminés il pouvait à son tour les faire figurer dans ses propos (Proust M. Un amour de Swann). Другой пример: *Restaient les relations personnelles. Ça me gênait parce qu'il fallait revoir des amies et raconter des histoires. Mais, comme partout, il faut ce qu'il faut, et à la guerre comme à la guerre, aux grands maux les grands remèdes. Je m'en dis comme ça une bonne série avant de tirer le premier cordon de sonnette (Giono J. Un rois sans divertissement).* (Оставались личные от-ношения. Меня это смущало, потому что нужно было навещать этих дам и рассказывать веселые истории. Но

это, как вез-де. *Если нужно, то нужно, на войне как на войне, клин клином вышибают.* Я про себя повторяю их целую серию, просто так, прежде чем дернуть за веревочку колокольчика.)

Если фразеологизм выступает как средство лингвокреативной тропеической техники в целях создания текста и участвует не только в создании эксплицитного содержания, но и имплицитного, то он не может быть стереотипом. В противном случае он функционирует как штамп, как стереотип. Примеры из Жиано и Пруста в противоположность другим подтверждают это.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стереотипами называются некоторые словосочетания (не слова. — Н. К.) (groupes de mots), ассоциативные словесные представления, которые, будучи отдельными в начале, образуют неразложимые банальные (избитые) единства (Lexis, Larousse française. 1979. P. 1792).

² Телия В. Н. Фразеология // Общее языкознание (Внутренняя структура языка). М.: Наука, 1972. С.456–515.

³ Мониц Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С.69–97.

⁴ Этнические стереотипы поведения. М., 1985.

⁵ Fradin B. Hypothèses sur la forme de la représentation sémantique des noms // Cahiers de lexicologie. 1984. Vol. 44. P. 63–83.

⁶ Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

⁷ См.: Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991; Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998 и др.

⁸ Худяков А. А. Об онтологии предзнака // Язык как функциональная система / Сб.статей к юбилею проф. Н. А. Кобриной. Тамбов, 2001. С.182–201.

⁹ Мониц Ю. В. Указ. соч. С. 70.

¹⁰ Кириллова Н. Н. Основы идиоэтнической фразеологии романских языков. Л., 1991. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С. 6.

¹¹ Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С.37–89; 119.

¹² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. М., 1958. С. 38.

¹³ Морис Ч. У. Указ. соч. С. 67.

¹⁴ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1998. С. 343.

¹⁵ Кириллова Н.Н. Предмет и методы исследования идиоэтнической фразеологии. Л., 1988. С. 36.

¹⁶ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ. 1981. С. 287.

¹⁷ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989. С. 267.

¹⁸ Rat M. Petit dictionnaire des locutions françaises. P.: Ed. Garnier Frères 1968. P. 66.

¹⁹ Dizionario Garzanti: francese-italiano, italiano-francese. Bordas. 1988.

²⁰ Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1982. ФЕ № С-2054.

²¹ Морис Ч. У. Указ. соч. С. 40.

²² Там же. С. 39.

²³ Там же. С. 67.

²⁴ Там же. С. 71.

-
- ²⁵ Там же. С. 119.
- ²⁶ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. С. 94.
- ²⁷ Левинтова Э. И., Вольф Е. М. и др. Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык. 1985. С. 9.
- ²⁸ Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Robert, 1984. P. 82.
- ²⁹ Рубинштейн С. Л. Указ. соч. 1989. Т. 1. С. 103.
- ³⁰ Мониц Ю. В. Указ. соч. С. 70.
- ³¹ О «чуть-чуть не так» и об огромном интересе к этому явлению писал Р. А. Будагов: Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. М.: Наука, 1985. С. 253.
- ³² Маяковский В. В. Как делать стихи // Собр. соч. в 13 т. Т. 12. Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917–1930 гг. М.: Гослитиздат, 1959. С. 103–104.
- ³³ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 341.
- ³⁴ Кириллова Н. Н. Указ. соч. С. 14.
- ³⁵ Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я. И. Рецкера. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1963. ФЕ¹ Q-79.
- ³⁶ Duneton C. La puce à l'oreille. Anthologie des expressions populaires avec leur origine. Balland, s/l. 1990. P. 355.
- ³⁷ Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994.
- ³⁸ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс. 1998.

N. Kirillova

ON THE PROBLEM OF STEREOTYPES IN PHRASEOLOGY

The present article is devoted to the interdisciplinary problems: stereotypes formation roots in stereotyped thinking, which emerges from the regular interrelation between the need of an ethnic group to denote a notion and a complicated (polylexeme) form of its expression. Stereotyped units are treated as stable cultural-linguistic cliches. The mechanism of their formation lies in the sphere of semiotic connection between the plane of expression and the plane of content of a phraseological unit, where a certain sememe gravitates to the atomic word combinations of the certain thematic fields. That is why this gravitation can be characterized as conventional. A phraseological unit does not exist beyond the interpretation programme of an ethnic group, in the mind of which there have been worked out certain cliches of interpretation, which we observe within a lingvo-psychological phenomenon, referred to as «false friends of the interpreter». In the article the double functioning of phraseological units in speech is distinguished: as the elements of a lingvo-creative technique of the speaker (which functions as its characterization), and, vice versa, as «alien words», which do not belong to the speech of the speaker. In the latter case phraseological units function as indisputable stereotypes.